

УДК 81'22:165

**ЯЗЫК НАУКИ И МИФА:
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО**

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
Севастополь, Россия
E-mail: stavis@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы понимания мифа и перевода языка мифа на язык науки в контексте исследований мифа лингвистами и семиологами. Данный вопрос важен для изучения мифа как такового и выявления его роли в обществе и связан с неизбежной полной или частичной утратой смысла мифа в ходе его научной интерпретации. Однако в свою очередь проблема перевода мифа на понятный наблюдателю язык позволяет ему трансформироваться и лучше обслуживать интересы и потребности тех, кто в нем заинтересован, выявляя те стороны взаимодействия науки и мифа, которые воплощают их интеллектуальное единство.

Основная цель данного исследования – рассмотреть, почему миф остается для науки непознанным настолько, что его исследователи не смогли договориться о его содержании даже на уровне понятий; выяснить, какие причины и факторы определяют принципиальную неперевоодимость мифологических текстов и символов на язык науки. Разобраться, как наука решает эту проблему и к чему выбранный способ решения ее приводит.

Из основных выводов исследования особо стоит отметить, что неточность перевода и невозможность раскрыть миф во всей его глубине и целостности является важным источником развития мифа в его бесконечных трансформациях, где изменение смыслового содержания заложено в миф как возможность его развития через игру смыслов, создавая диалог разностей, который обеспечивает творческое напряжение, смысловую устойчивость мифа и его развитие.

Ключевые слова: язык науки и мифа, проблема перевода мифологического смысла.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных проблем в изучении мифа является проблема перевода. И мы попробуем в данной статье рассмотреть данный вопрос, выявив, почему перевод языка мифа на язык науки так важен и столь затруднен, с какими проблемами сталкивается исследователь, занимающийся данной темой, какие перспективы она открывает для исследователей мифа в будущем.

Почему же это так важно? Познание мифа происходит через перевод с языка мифа на язык науки. А это требует изучения проблемы перевода. Изучение мифа всегда упирается в проблему своеобразной неперевоодимости текстов, когда перевод столь приблизителен, что его точностью можно вообще пренебречь [8]. И, возможно, поэтому миф столь неуловим для исследователей, что за прошедшие

две тысячи лет им не удалось даже договориться в формулировках его определения [6; 10].

Отчасти это связано с тем, что, будучи базовой универсалией культуры, миф синкретичен и способен к таким трансформациям, которые выходят за рамки возможностей отдельных научных дисциплин [12; 15]. И не исключено, что именно лингвистика и семиотика позволят нам в данном вопросе найти недостающее звено и описать круг связанных с ним проблем.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

С точки зрения лингвистики мышление можно воспринимать как переход от еще немислимого (неизреченного) в мыслимое (изреченное) через уже установленные или заново определяемые формы субъективности и речи. А это значит, что «онтология перевода составляет первое и последнее условие преобразования невербального содержания сознания в артикулированные, грамматические и дискурсивные формы» [17]. При этом, согласно теории Р. Якобсона, онтология перевода выстраивается в рамках трех его основных эмпирических видов: внутриязыкового (перифраз), межъязыкового (перевод как таковой) и интерсемиотического (трансформация знаков одной семиотической системы в знаки другой или других семиотических систем [19, с. 18–19]. И каждый из них вписывается в мифотворчество на своем уровне, осуществляя перевод структурированного в языке бессознательного (Ж. Лакан) в критические или превращенные формы сознания. В любом случае убеждение, что в своих построениях философия имеет дело скорее с истиной, чем с языком, и с бытием, чем со знаком, до сих пор является преобладающим [10].

В связи с этим стоит вспомнить, что в своей работе «Категории мышления и категории языка» (1958) Э. Бенвенист одним из первых показал зависимость формы мышления от языка. Так, в частности, по его мнению, вся философия Аристотеля была продиктована исключительно структурой греческого языка, а проблематика т. н. бытия восходит к соответствующему греческому глаголу. Иначе говоря, вся эллинская метафизика была обусловлена конкретной

«лингвистической ситуацией», отнюдь не исчерпывающей все возможности обозначения, или соотношения, слов и вещей. В результате Аристотель «думал, что определяет свойства объектов; а полагал исключительно языковые сущности; именно язык, в силу собственных категорий, позволяет их распознавать и характеризовать» [20, с. 70].

Однако, на наш взгляд, несмотря на это, языковая природа бытия не дает оснований устанавливать лингвистический детерминизм в духе раннего Л. Витгенштейна, для которого язык был «формой жизни», так как «всякое бытие есть бытие-о-котором-говорят». В результате этого язык и речь вытесняли и маргинализировали не только мышление, но и элементарные, построенные на чувствах и ощущениях представления с такой безапелляционностью, как будто мысль действительно рождается во рту (Т. Тцара), а не объективируется с помощью речи. И если учесть, что с «легкой руки» Л. Витгенштейна неопозитивизм относил миф скорее к «невыразимому», поскольку для логики он до сих пор в значительной степени остается неуловимым, то придется признать, что в таком виде он попросту выводится из системы познания [13]. Но это было неправильным.

В отличие от них Г. Д. Гачев, оттолкнувшись от успехов и притязаний лингвистики, сумел прийти к тем выводам, которые наглядно показывают, что данная проблема носит не узколингвистический характер. Согласно Г. Д. Гачеву, она является по своей сущности комплексной, синкретической, универсальной и подводит к той довольно туманной, но уже признаваемой всеми категории, как ментальность, выражаемой Г. Д. Гачевым в краткой, но емкой формуле «космо-психо-логос» [1]. В результате, по его мнению, хотя специфика национального мышления и связана с языком, но сам язык является следствием ментальности, сложившейся исторически и сформировавшейся в определенных пространственно-временных условиях, которые у разных народов меняются настолько медленно, что собственно этими изменениями в краткой исторической перспективе можно просто пренебречь.

Особую роль в этом играла мифопоэтика, когда в силу отмечаемого сходства мифических и поэтических структур у отдельных специалистов создавалось впечатление, что «все в тексте потенциально переводимо на некий единый язык, на котором никто не говорит, но который универсально отражает свойства всех других языков и их “кодов”» [2, с. 751].

Хотя, вполне возможно, их сходство в значительной степени связано с тем, что речь идет об одном явлении, рассматриваемом с позиций разных научных дисциплин, представители которых нередко даже не пытаются распространить миф на современность [11; 14]. Впрочем, писавший об этом К. Леви-Стросс в данном вопросе шел дальше: «В обоих случаях речь идет об упразднении оппозиции “чувственное/интеллектуальное” в игре структур различных уровней; а так как в зависимости от этой оппозиции находится само различие науки и искусства, заодно растворяется и оно» [2, с. 751]. Однако современный миф в состоянии сохранять целостность растворенного, с одной стороны, различными способами, включая его в целостность более общего и фундаментального порядка, а с другой – позиционируя его как нечто самодостаточное [12].

Возможно, поэтому, работая с мифами, исследователи испытывают необходимость перевести миф как «методологически иное» (Джеймс Бун) в привычные для них понятия, что делает подобную работу схожей с литературной критикой. В этом случае для них речь идет о чем-то непознанном, но имеющим для мифа и лингвистики некое универсальное значение. Хотя, так это или нет, пока непознанное остается непознанным, говорить, видимо, еще рано. И вполне возможно, что не раскрытое, но явно ощущаемое структуралистами – антропологами и лингвистами – сходство связано не с тем, что существует на самом деле, а с их общей лингвистической позицией, вытекающей из теории структурной лингвистики Р. Якобсона и Ф. Соссюра. Тем самым они не только внесли неоценимый вклад в развитие мифологии в целом, но и существенно повлияли на формирование современной лингвистической мифологии.

Однако проблема не только в этом. Ведь в силу того, что миф принадлежит к личностным мирам, пересказывать его столь же сложно относительно его

действительной сути, как пересказывать увиденное во время сна сновидение. Кто пытался сделать это, знает, сколь неуловимым является видение и убогим становится его пересказ. Определявшие общее впечатление детали во время пересказа куда-то пропадают. И восстановить их практически невозможно. Хотя общие представления передать все-таки можно. Но насколько они будут соответствовать увиденному, зачастую не сможет сказать и тот, кто этот сон видел. Так и с мифом [9].

Понятно, что если между наукой и мифом как сложными саморазвивающимися системами нет и, возможно, быть не может взаимооднозначных соответствий [7], то точный перевод одних мифологических текстов на язык науки в принципе невозможен. И тогда в данном случае мы сталкиваемся не просто с проблемой перевода, о которой неоднократно писали семиологи, а с проблемой перевода непереводаемого. В свою очередь, необходимость перевода при заведомой его невозможности вынуждает исследователей устанавливать соответствия, имеющие скорее метафорический характер, когда элементу текста в переводе может соответствовать не один элемент, а некоторое их множество. В результате этого перевод выглядит как неоднозначное преобразование. Впрочем, миф и культура эту проблему решают. Чего не скажешь о науке. Точнее, она осуществляет перевод в соответствии со своими возможностями [6; 9]. Но они оказались весьма ограниченными.

В связи с этим следует оговорить и еще одну важную деталь: наука не может не доорганизовывать мифологический мир, переводя его на свой язык, а непонятое из своей сферы исключая [13]. В результате в ходе подобного «диалога» формируется образ в целом «рациональной» культуры, которой противостоит иррациональная «антикультура» как некая «темная материя». Ее основу и суть составляет миф, который, будучи как бы оттесненным на периферию культуры, во многом благодаря этому обеспечивает резерв культурной динамики. Но отражает ли подобная картина реальное положение вещей? Наверное, настолько, насколько исследователи способны убедить себя и других в этом сами.

Возможно, поэтому, анализируя функционирование семиотических систем, выдающийся исследователь культуры Ю. М. Лотман сделал довольно интересное наблюдение, которое в полной мере может быть соотнесено с той ролью, которую в целом играет по отношению к современной мифологии наука. Так, Ю. М. Лотман писал: «повышение степени организованности семиотической системы сопровождается ее сужением, вплоть до предельного случая, когда метасистема становится настолько жесткой, что почти перестает пересекаться с реальными семиотическими системами, на описание которых она претендует. Однако и в этих случаях авторитет “правильности” и “реального существования” остается за ней, а реальные слои социального семиозиса в этих условиях полностью переходят в область “неправильного” и “несуществующего”» [4, с. 547].

Понятно, что все вышесказанное напрямую относится и к мифу. То есть роль описывающей миф «метасистемы» взяла на себя наука. При этом применительно к современной мифологии «она становится настолько жесткой», что, как пишет Ю. М. Лотман, с ней «почти перестает пересекаться». Но, поскольку приоритет суждения все равно остается за ней, мифологии «в этих условиях полностью переходят в область “неправильного” и “несуществующего”».

Однако неясно, на каком основании, лишь потому, что их «языки описания» не совпадают? Более того, жесткая семиотическая структура науки не позволяет ей адекватно описывать миф. Он обвиняется в излишней хаотичности и непредсказуемости, а значит, неправильности, но, как писал об этом К. Хьюбнер, «разве мы не оказываемся в том же положении, когда пытаемся судить о науке? Разве не предлагает она нам постоянно растущее и даже противоречивое многообразие гипотез и теорий? Тем не менее мы говорим о науке в единственном числе» [18]. И не пытаемся от нее отказаться лишь потому, что в каких-то исследовательских вопросах она оказалась нам не понятна или неправа.

К сожалению, поскольку для науки мифология являлась чем-то инородным, чужим, внесистемным, а значит, по природе своей неправильным, отношение к ней в науке традиционно выстраивалось как к чему-то неправильному,

несовершенному, несущественному и даже «несуществующему», что нужно изжить или игнорировать, но вовсе не стоит понимать.

В качестве аналогии такого подхода можно привести пример отношения людей в свое время к носителям другого языка как к «немым», «немцам». И даже если уже было известно, что иностранный язык является определенной системой информирования, в другой среде он воспринимался пренебрежительно, считаясь «испорченным», «неправильным», не имеющим внутренней структуры, не обладающим связностью и упорядоченностью лопотанием.

Пример такого отношения был предложен в романе «Война и мир» у Л. Н. Толстого, где описывалась реакция простых людей на французскую речь: «Вот так по-хранцузски, – говорили солдаты в цепи. – Ну-ка, ты, Сидоров!

Сидоров подмигнул и, обращаясь к французам, начал часто, часто лепетать непонятные слова.

– кари, мала, тафа, сафи, мутер, каск'ф, – лопотал он...» [16, с. 217].

Естественно, что сейчас подобная реакция на незнакомую речь ничего не говорит о качестве иностранного языка, но зато очень доходчиво показывает ограниченность тех, кто его в силу своего непонимания не принимает. Однако для нас это лишь частный случай. Хотя в аналогичной ситуации оказываются и те «знатоки» культуры, которые, подобно скандально известному украинскому политологу В. Бебику, уверяют, что Л. Н. Толстой прибегал к французской речи в «Войне и мире» тогда, когда не мог на русском выразить те мысли и переживания, которые его при написании романа охватывали. Поэтому нам приходится лишь сочувствовать такому отношению и сожалеть, что оно никак не способствует процессу познания, существенно его тормозя.

Но не в таком ли положении находится сейчас и современная наука, относящаяся предвзято к тому, что плохо понимает и, возможно, не хочет понимать, пренебрежительно называя его «всего лишь» мифом? И если да, то тогда речь идет об отношении, носящем для науки и общества не частный характер, а системный. Отношении, которое говорит о науке значительно больше, чем о мифе как таковом.

При этом поднятый выше вопрос подводит нас снова к проблеме «перевода» языка мифа на язык науки. Ведь очевидно же, что наука с этим имеет затруднения. И возможно, правы те, кто вслед за К. Леви-Строссом считают, что «мифы являются доступными переводу лишь друг в друга» [2, с. 612]. Иначе говоря, нельзя миф переводить в нечто иное, чем он сам. Однако возможно, что К. Леви-Стросс прав в том смысле, что взаимная непереводаемость мифа и науки связана с несовершенством научного аппарата и является в данном случае временной. Но вполне возможно и другое: что эта непереводаемость носит принципиальный характер и в перспективе не будет полностью решена.

Но определенные догадки и гипотезы у исследователей в этом плане есть. Одно из них, в частности, касается известного сравнения у К. Леви-Стросса мифа с музыкой с тем расхождением, что в отличие от музыки «вместо схемы, закодированной в звуках, миф предлагает схему, закодированную в образах» [2, с. 620]. Трудно сказать, в каком случае стоит миф сводить к схеме, а в каком нет. Однако «ожидать от мифа однозначности, – писал в связи с этим Филипп Нейл, – все равно, что пытаться изложить сонет Шекспира в прозе» [5, с. 6]. Но и это сравнение, на наш взгляд, является крайне приблизительным, т. к. миф в своих играх с реальностью легко создает эффекты, аналогичные кольцу Мебиуса или уроборосу, где синкретизм становится обязательным условием понимания, позволяя малому поглощать большое, а вещам переходить в свою противоположность и обратно, сочетая несовместимое. Поэтому проблема перевода смысла и содержания мифа для науки остается неразрешенной.

Учитывая это применительно к функционированию языков, а через них и к функционированию всей семиотической системы, Ю. М. Лотман писал: «Невозможность точного перевода текстов с дискретных языков на недискретно-континуальные и обратно вытекает из их принципиально различного устройства: в дискретных языковых системах текст вторичен по отношению к знаку, то есть отчетливо распадается на знаки. Выделить знак как некоторую исходную элементарную единицу не составляет труда. В континуальных языках первичен

текст, который не распадается на знаки, а сам является знаком или изоморфен знаку» [4, с. 572].

Отметим, что в целом данная мысль возражений не вызывает. И ее главная ценность в констатации трудности перевода дискретно-линейных текстов на имеющий принципиально иное устройство язык. Действительно, любой перевод с одной знаковой системы на другую неизбежно ведет к трансформации, когда потеря определенных устойчивых смысловых связей неизбежна. Но сама трансформация при этом заложена в миф как возможность его развития через игру смыслов, которую знаки в разных сочетаниях обеспечивают. И на этом принципе строится диалог, а диалог разностей обеспечивает смысловую устойчивость и развитие.

С другой стороны, на наш взгляд, мифу как тексту и знаку на разных уровнях его существования свойственны и дискретность, и континуальность. В результате в одной ситуации он может распадаться на знаки и, соединяя их в разные комбинации, предлагать веер интерпретационных возможностей. В иной – выступать знаком самому, вступая как знак в отношения с другими знаками и трансформируясь в другое свое проявление или реализуя свою самодостаточность в законченной знаковой структуре, где каждый встроенный в нее знак «работает» на целое и в совокупности предстает в нем как целостное недифференцированное знание. Благодаря этому любая трансформация мифа в своей среде позволяет его носителям безошибочно определять, какое значение приписывать ему в той или иной ситуации. Однако проблемы перевода это обстоятельство не снимает. Хотя некоторым исследователям и представляется спорным. «Миф можно определить как такой вид высказываний, при котором известное выражение “traduttore – traditore” совершенно несправедливо», – утверждал в связи с этим К. Леви-Строс, подтверждая свой вывод следующим умозаключением: «Миф – это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удается, если можно так выразиться, отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [3, с. 218].

Отметим, что в целом эта мысль великого французского антрополога производит сильное впечатление. Впрочем, вполне возможно, что в данном вопросе К. Леви-Стросс не прав. Причем его собственное высказывание выдает определенные сомнения, которые проявляются уже в том, что К. Леви-Стросс не уверен, что правильно свою мысль выражает. Особенно там, где он «намекает» на то, что миф – чуть ли не язык вне языка. Однако попробуем, в свою очередь, перевести его высказывание, актуализировав наиболее важные аспекты. И тогда получится, что миф можно представить как язык. Но он – язык, работающий на уровне, где смысл отделяется от языка. То есть уровень функционирования мифа позволяет ему работать вне сферы привычного для нас языка. И уже хотя бы поэтому он к языку не сводится. И с этим соображением мы согласны полностью.

Что касается известной итальянской поговорки «переводчик – предатель», то ее толкование требует особого уточнения, так как проблема перевода на примере мифа выглядит особенно наглядно. И поскольку определяющая жизнь мифов игра смыслов строится на особенностях перевода, на наш взгляд, итальянская поговорка и по отношению к мифу вполне справедлива. Спрашивается: почему же К. Леви-Стросс считал иначе? Потому что у мифов смысл отделяется от своей языковой основы? Но как смысл может отделиться от своей языковой основы? И как сам К. Леви-Стросс это зафиксировал? Ведь его размышления на этот счет довольно путаны и не дают возможности подтвердить его правоту фактами. Причем он сам отмечает это. И пока сторонники его выводов не найдут более весомые аргументы в пользу его высказывания, данный вопрос можно считать как минимум открытым и спорным.

ВЫВОДЫ

Впрочем, данное обстоятельство не перечеркивает той смысловой цепочки, которая увязывает язык и миф через перевод в одно целое. И она показывает следующее. Где используется язык, там функционирует пространственно-временное многоязычие. Где есть многоязычие, там существует проблема перевода. Перевод не может быть полным, однозначным и исчерпывающим.

Значит, в ходе его возникает то смысловое напряжение, которое дает импульс новым образно-символически оформленным интерпретациям. И миф ими живет. И будет жить, каждым своим проявлением давая понять, что одной из основных посылок для анализа взаимодействия мифа и науки является тот факт, что в данном диалоге «исходно задается ситуация непереводаемости» [4, с. 587]. И нам придется с ней считаться, так как попытки снять данную проблему не только не представляются возможными, но являются в принципе нежелательными. Ведь точность перевода в данном случае заменяется проблемой смысловой эквивалентности, когда противоположные тенденции и смыслы снимаются на другом уровне единого структурного целого. Так, благодаря своему взаимодействию, миф и наука образуют то интеллектуальное целое, которое представляет собой главное достижение человечества.

Список литературы

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г. Д. Гачев. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
2. Леви-Стросс, К. Мифологии. В 4-х тт. Т.4. Человек голый / К. Леви-Стросс. – М.; СПб.: Университетская книга, 2007. – 784 с.
3. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова / К. Леви-Стросс. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
5. Нейл, Ф. Мифы и легенды. Расшифрованные послания и символы в работах великих мастеров / Ф. Нейл. – Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2009. – 128 с.
6. Ставицкий, А. В. Міф і онтологія наукової методології / А. В. Ставицкий // Філософія і політологія в контексті сучасної культури: Науковий журнал. – Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського національного університету, 2012. – Вип. 3. – С. 254–261.

7. Ставицкий, А. В. Мифологизация науки: постановка проблемы / А. В. Ставицкий // Ноосфера і цивілізація. Всеукраїнський філософський журнал. – Донецьк, 2012. – Випуск 1 (13). – С. 31–35.
8. Ставицкий А. В. Мифологическое отражение реальности: основные подходы / А. В. Ставицкий // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2011. – Вып. 115 – С. 89–94.
9. Ставицкий, А. В. Наука и миф: проблема соотношения / А. В. Ставицкий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2014. – № 2. – С. 167–176.
10. Ставицкий, А. В. Наука и философия: мифологический аспект / А. В. Ставицкий // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 209. – С. 128–131.
11. Ставицкий, А. В. Научный миф позитивизма: проблема непроявленного / А. В. Ставицкий // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 214. – С. 136–138.
12. Ставицкий, А. В. Онтология современного мифа. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 543 с.
13. Ставицкий, А. В. Современная мифология: опыт постижения Иного / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 192 с.
14. Ставицкий, А. В. Современный миф: его природа и предназначение / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2013. – 148 с.
15. Ставицкий, А. В. Современный миф и его основные функции / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 238 с.
16. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой // Собр. соч. В 14 т. – М., 1951. – Т. 4. – 362 с.
17. Фокин, С. Л. Перевод как незадача русской философии: к критике проблемы концепции мимезиса В. А. Подороги [Электронный ресурс] // Сайт «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/perevod-kak-nezadacha-russkoj-filosofii-k-kritike-kontseptsii-mimesisa-v-a-podorogi> (дата обращения 09.09.2017).

18. Хюбнер, К. Прогресс от мифа, через логос, к науке? [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6257> (дата обращения 09.09.2017).
19. Якобсон, Р.. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – С. 18–19.
20. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. – Paris: Gallimard, 1966.

**LANGUAGE OF SCIENCE AND MYTH:
THE PROBLEM OF TRANSLATION AND INTELLECTUAL UNITY**

A. V. Stavitskiy

Summary. The article is devoted to the problem of understanding the myth and translating the language of myth into the language of science in the context of myth studies by linguists and semiologists. This issue is important for studying the myth as such and revealing its role in society and is associated with the inevitable complete or partial loss of the meaning of the myth in the course of its scientific interpretation. However, in turn, the problem of translating a myth into an understandable language allows it to transform and better serve the interests and needs of those who are interested in it, identifying those aspects of the interaction of science and myth that embody their intellectual unity.

The main goal of the research is to find out why the myth remains unknown to science so that its researchers could not agree on its content even at the level of concepts. Consider what factors determine the fundamental non-transferability of mythological texts and symbols, and what this untranslatability is related to. Understand how science solves this problem, and what the chosen method of solving it leads to.

From the main findings of the study, it is especially worth noting that the inaccuracy of translation and the inability to disclose the myth in its entire depth and integrity is an important source of myth development in its endless transformations, where the change in the semantic content is embedded in the myth as the possibility of its development through the play of meanings, creating a dialogue of differences, which provides creative tension, the semantic stability of the myth and its development.

Keywords: language of science and myth, the problem of translating mythological meaning.

References

1. Gachev G. D. Natsional'nye Obrazy Mira: Kurs Lektsii [National Images of the World: Course of Lectures]. Moscow: Akademiya Publ., 1998. 432 p.
2. Levi-Stros K. Mifologiki [Mythologies]. Vol. 4.: Chelovek golyi. Moscow: Universitetskaya Kniga Publ., 2007. 784 p.
3. Levi-Stros K. Strukturnaya Antropologiya [Structurale Anthropologie]. Moscow: EKSMO Publ., 2001. 512 p.

4. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo Publ., 2004. 704 p.
5. Neil F. Mify i Legendy. Rasshifrovannye Poslaniya i Simvoly v Rabotakh Velikikh Masterov [Myths and Legends: The World's Most Enduring Myths and Legends Explored and Explained]. Khar'kov, Belgorod: Klub Semeinogo Dosuga Publ., 2009. 128 p.
6. Stavitskii A. V. Mif i Ontologiya Naukovoii Metodologii [Myth and Ontology of Scientific Methodology]. *Filosofiya i Politologiya v Konteksti Suchasnoi kul'tury: Naukovii Zhurnal*. Dnipropetrovs'k: Vidavnistvo Dnipropetrovs'kogo Natsional'nogo Universitetu, 2012, no. 3, pp. 254–261.
7. Stavitskii A. V. Mifologizatsiya Nauki: Postanovka Problem [Mythologization of Science: the Formulation of the Problem]. *Noosfera i Tsivilizatsiya. Vseukraïns'kii Ailosofs'kii Zhurnal*. Donetsk, 2012 no (13), pp. 31–35.
8. Stavitskii A. V. Mifologicheskoe Otrazhenie Real'nosti: Osnovnye Podkhody [Mythological Reflection of Reality: the Main Approaches]. *Visnik SevNTU*, 2011, no 115, pp. 89–94.
9. Stavitskii A. V. Nauka i Mif: Problema Sootnosheniya [Science and Myth: the Problem of Correlation]. *Filosofiya khozyaistva. Al'manakh Tsentra Obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU*. 2014, no 2, pp. 167–176.
10. Stavitskii A. V. Nauka i Filosofiya: Mifologicheskii Aspekt [Science and Philosophy: Mythological Aspect]. *Kul'tura Narodov Prichernomor'ya*, 2011, no 209, pp. 128–131.
11. Stavitskii A. V. Nauchnyi Mif Pozitivizma: Problema Neproyavlennogo [The Scientific Myth of Positivism: the Problem of the Unmanifested]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2011, no 214, pp. 136–138.
12. Stavitskii A. V. Ontologiya Sovremennogo Mifa [Ontology of the Modern Myth]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 543 p.

13. Stavitskii A. V. *Sovremennaya Mifologika: Opyt Postizheniya Inogo* [Modern Mythology: the Experience of Comprehending of Other]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 192 p.
14. Stavitskii A. V. *Sovremennyi Mif: Ego Priroda i Prednaznachenie* [The Modern Myth: its Nature and Purpose]. Sevastopol': Ribest Publ., 2013. 148 p.
15. Stavitskii A.V. *Sovremennyi Mif i ego Osnovnye Funktsii* [The Modern Myth and its Main Functions]. Sevastopol': Ribest Publ., 2012. 238 p.
16. Tolstoi L. N. *Voina i Mir* [War and Peace]. *Sobr. Soch.* V 14 t. Moscow. 1951. Vol. 4. 362 p.
17. Fokin S. L. *Perevod kak Nezdacha Russkoi Filosofii: k Kritike Problemy Kontseptsii Mimesisa V. A. Podorogi* [Translation as a Failure of Russian Philosophy: Criticism of the Problem of Concept of Mimesis V.A. Podoroga]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/perevod-kak-nezdacha-russkoy-filosofii-k-kritike-kontseptsii-mimesisa-v-a-podorogi> (accessed 09 September 2017).
18. Khyubner K. *Progress ot Mifa cherez Logos k Nauke?* [Progress from Myth through Logos to a Science]. *Gumanitarnye Tekhnologii. Analiticheskii Portal*. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6257> (accesswed 09 September 2017).
19. Jakobson R. *O Lingvisticheskikh Aspektakh Perevoda* [About the Linguistic Aspects of Translation]. Moscow: Progress Publ., 1978. 18–19 pp.
20. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris : Gallimard, 1966.